

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 8 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 376 с.

ISBN 978-5-519-94875-3

ISBN 978-5-519-94875-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

живыхъ существъ, то компанія рѣшила посмотрѣть съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ на извѣстныхъ чуть ли не всему міру дикихъ гаучо, которые своимъ видомъ, по нашему мнѣнію, должны были напомнить намъ какихъ нибудь ужасныхъ, отвратительныхъ разбойниковъ (въ чемъ мы, сознаюсь, немного ошиблись), такъ и на прелестныхъ буеносъ-айресскихъ женщинъ, которыхъ наше пылкое воображеніе рисовало намъ такими красавицами, съ черными страстными глазами, съ стройною, гибкою таліею, крошечными, бѣленькими ручками и ножками, что раньше времени уже нѣкоторые изъ насъ замирали отъ восторга полюбоваться такими чудными произведеніями лаплатской природы...

Да, всѣ ждали предстоящей прогулки съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, и не мудрено; пробывъ въ морѣ тридцать дней, и не видя вокругъ себя ни одного предмета, сколько нибудь напоминающаго берегъ, лубуясь постоянно давно знакомыми фізіономіями, каждая черта которыхъ, кажется, каждая морщинка, пятнышко и рубчикъ давно уже врѣзались въ память, — невольно начнешь мечтать о землѣ, о ея жителяхъ, удобствахъ и удовольствіяхъ... Берегъ казался намъ такимъ прекраснымъ, привлекательнымъ и очаровательнымъ, что мы не могли дождаться той блаженной минуты, когда нога наша ступитъ наконецъ на твердую, неколеблющуюся подъ ногами почву, когда глаза наши будутъ скользить не по давно знакомымъ измученнымъ лицамъ, но будутъ пытливо останавливаться на лицахъ новыхъ, совершенно намъ не знакомыхъ, на лицахъ, которыя будутъ производить на насъ совершенно противоположное впечатленіе. Какая-то невѣдомая сила торопила насъ окончить, какъ можно скорѣе, наши шумныя приготовленія; мы собирались на берегъ съ такою лихорадочною поспѣшностью, что болѣе половины изъ вещей, которыя мы предполагали взять съ собою, было забыто на корветѣ.

Наконецъ, всѣ сборы были, по видимому, окон-

ченъ; публика усѣлась, кто съ чѣмъ, въ стоящій у борта паровой катеръ, который, черезъ нѣсколько минутъ, запыхтѣлъ засвистѣлъ, и понесъ насъ къ Буеносъ-Айресу. Быстро пробирались мы среди множества, стоящихъ на якорѣ судовъ всѣхъ конструкцій и вооруженій, обдавая дымомъ и летящею изъ трубы сажею лыбопытныхъ матросовъ всѣхъ націй, которые, свѣсившись черезъ бортъ, съ удивленіемъ поглядывали на насъ, представителей Россійскаго государства, большинство которыхъ, откровенно сказать, были очень похожи въ своихъ неуклюже сидящихъ на нихъ штатскихъ платьяхъ, на раковъ-отшельниковъ, забравшихся въ чужую раковину, или, лучше сказать, на ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Вскорѣ всѣ, стояція въ барраганской бухтѣ, суда остались далеко позади, и съ лѣвой стороны открылся передъ нами, какъ на ладони, такъ пылко и давно ожидаемый Буеносъ-Айресъ. Онъ былъ раскинутъ на нѣсколько возвышенномъ, но почти ровномъ, берегу; множество башенъ, колоколенъ, куполовъ церквей и монастырей придавали ему причудливый, разнообразный, пріятный для глаза, видъ... Ближе къ берегу тянулся длинный рядъ домовъ, терявшихся вдаль въ красивыхъ и богатыхъ рощахъ и садахъ; передъ ними разбросано было нѣсколько башенъ съ почернѣвшими, вывѣтрившимися и надтреснувшими стѣнами, ясно показывающими, что много десятковъ лѣтъ вынесли онѣ на своихъ крѣпкихъ, сильныхъ плечахъ. Сгруппированныя въ серединѣ и лежація на нѣсколько болѣе возвышенномъ мѣстѣ, лучшія зданія города, какъ-то: прекрасная таможня со множествомъ оконъ и имѣющая видъ грознаго полукруглаго форта, величественный соборъ, съ вздымающимися къ небу колокольнями, театръ, съ чрезвычайно крутою и островерхою крышею, и другія, придавали общей картинѣ эффектный видъ...

Далеко въ рѣку шли отъ берега двѣ пристани, къ которымъ мы и направились; но на наше несчастье, отливъ былъ такъ великъ, что мы никакъ не могли при-

стать ни къ одной изъ манящихъ къ себѣ пристаней и должны были съ терпѣніемъ ожидать благоприятнаго исхода изъ сквернаго положенія. Не успѣли однако мы остановиться, какъ съ берега уже замѣтили наше непріятное положеніе и цѣлый десятокъ возницъ, возсѣдающихъ на какихъ-то не то колесницахъ, не то телѣгахъ съ чрезвычайно высокими колесами, бросились, какъ бѣшенныя, въ воду и, перегоняя другъ друга, торопились предложить намъ свои услуги. Масса брызгъ, радужно блестящая на солнцѣ, летѣла изъ подъ колесъ и ихъ ретивыхъ лошадей и окачивала съ ногъ до головы торопящихся и ругающихся возницъ; смѣшно было смотрѣть на эту новую для насъ картину, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы возносили къ небу живую благодарность за то, что Господь надоумилъ мѣстныхъ возницъ выдумать средство избавить путешественниковъ или вообще иностранцевъ отъ непріятнаго путешествія по водѣ, яко по суху, потому что, не будь этихъ смѣшныхъ телѣгъ на высокихъ колесахъ, намъ пришлось бы или вернуться, что было-бы очень непріятно, или же выйти изъ шлюбки и пройти нѣсколько десятковъ сажень по колѣно въ водѣ, что было бы еще непріятнѣе... Длинные пристани (около четверти мили) выведены въ рѣку какъ бы только въ насмѣшку, потому что, кажется ни одна шлюбка не можетъ пристать къ нимъ вплотную: такъ около нихъ мелко; вывести же пристани дальше пока никто еще не позаботился, да и зачѣмъ, когда мѣстные возницы выдумали обходиться совершенно безъ нихъ—такъ по крайней мѣрѣ думаютъ жители Буенось-Айреса, и думаютъ, пожалуй, отчасти справедливо, а если не справедливо, то логично. „Зачѣмъ, насмѣшливо говорилъ намъ хозяинъ гостиницы, остроумный французъ, строить намъ то, безъ чего обходились отцы и дѣды буенось-айресскихъ жителей, да и безъ чего и мы сами пока, какъ видите, обходимся, благодаря смѣтливости нашихъ возницъ. Правда немножко неудобно, но что же дѣлать,

нужно приучаться къ неудобству; а къ удобству приучиться, какъ знаете, ничего не стоитъ". Какъ видно, французъ остроумно высказалъ образъ мыслей большинства буенось-айресскихъ жителей, которые, повидимому, размышляютъ дѣйствительно такъ, и вотъ, благодаря подобнымъ, довольно оригинальнымъ размышленіямъ, никто до сихъ поръ не предложилъ вывести пристани какъ можно дальше отъ берега, а если, можетъ быть, и нашелся подобный благодѣтель челоѣческаго рода, то городъ, вѣроятно, пожалѣлъ средствъ докончить начатое, и такимъ образомъ до настоящаго времени каждый путешествующій въ Буенось-Айресъ можетъ испытать подобное же оригинальное сообщеніе съ берегомъ.

И такъ бурля и обдавая насъ тысячею мельчайшихъ брызгъ, подкатили къ намъ со всѣхъ сторонъ телѣги, запряженныя, каждая парой отличныхъ, сильныхъ лошадей, и возницы наперерывъ, съ шумомъ и гвалтомъ, предлагали намъ свои услуги; при этомъ я замѣтилъ въ нихъ черту характера, очень похожую на выходку нашихъ Ванекъ, а именно: у нихъ такая же страсть хулить лошадей, экипажъ и искусство своихъ товарищей по ремеслу, между тѣмъ какъ себя и все свое возносить до небесъ.

— Господа, галдѣлъ съ правой стороны здоровенный возница съ всклокоченными волосами и горящими глазами, обращаясь къ намъ на коверканномъ французскомъ языкѣ, „клянусь Пресвятою Богородицею, что лучше моихъ лошадей, лучше моего экипажа, вы не найдете во всемъ Буенось-Айресѣ, стрѣлою доведу вашу милость до берега... А эти господа“, при этомъ онъ сдѣлалъ презрительный жестъ и указалъ на другихъ, обступившихъ насъ возницъ и старающихся всѣми силами перекричать здоровеннаго возницу, „не доведутъ васъ и до половины дороги... Пусть будетъ свидѣтельницей Пресвятая Дѣва Марія, что я говорю сущую правду... на полпути околѣютъ у нихъ всѣ лошади,

экипажи развалятся и они выкупаютъ васъ въ глубокой водѣ нашей Rio“...

— Карамба! ревѣлъ съ другой стороны, надъ самымъ нашимъ ухомъ, коренастый плотный возница, бросающій на перваго уничтожающіе взгляды, этотъ негодяй лжеть... онъ васъ господа, не довезетъ, онъ васъ утопитъ на третьей же сажени... не довѣряйтесь ему; господа, онъ васъ ограбитъ, зарѣжетъ... онъ воръ, мошенникъ, убійца... И полилась на перваго возницу такая ужасная брань, сопровождаемая отчаянными размахиваніями руками, что мы, зная немного характеръ испанцевъ и опасаясь кровавой схватки, раздѣлились на два лагеря и усѣлись въ экипажи двухъ горячихъ возницъ... Остальные, обманутые въ своихъ надеждахъ получить сѣдока, бросились къ берегу, проклиная и ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей, которые, между тѣмъ, взмахнули кнутами и, какъ полоумные, понеслись также къ берегу, желая, повидимому, доказать намъ, что увѣренія товарищей въ неисправности ихъ экипажа и негодности лошадей не имѣютъ никакого основанія. Нашей партіи достался именно тотъ, коренастый, плотный возница, который такъ жестоко выругалъ своего товарища, везшаго за нами остальную половину нашей компаніи; тотъ, повидимому, всѣми силами старался насъ перегнать, чтобы поддержать свою честь и честь добрыхъ коней, но не имѣлъ успѣха... Нашъ возница, не переставая поносить товарища, летѣлъ, какъ угорѣлый, обдавая насъ тысячею блестящихъ брызгъ и нисколько не внимая просьбамъ ѣхать полегче.

— Нѣтъ, господа, говорилъ онъ съ жаромъ, я хочу доказать этому негодяю, выскочкѣ, что у меня экипажъ не тростниковый и не на бумажныхъ колесахъ... я хочу доказать этому мошеннику, вору, что у меня не какія нибудь дохлые клячи, какъ у него, а чистокровные арабскіе жеребцы... вы въ этомъ, господа, сами увѣритесь... Сантъ-Яго! крикнулъ онъ лошадямъ, замѣтя,

что его противникъ начинаетъ догонять: добрые кони послушные этому общепринятому поощрительному для нихъ возгласу, замѣняющему „ну—у пошелъ!“ „эхъ вы соколики“! и т. д. нашихъ русскихъ ямщиковъ, рванули и духомъ вынесли насъ на берегъ по особо устроенному скату, предназначенному для спуска въ воду этихъ оригинальныхъ повозокъ.

Расплатившись съ горячими возницами, которые не переставали все время переругиваться, и оправивъ, сколько было возможно наше платье, достаточно пострадавшее во время переѣзда съ шлюпки на берегъ, мы зашли въ первую попавшуюся гостинницу, кто утолить голодъ, кто жажду (такихъ было больше), а кто и такъ, ради компаніи, послѣ чего рѣшено было осмотрѣть городъ вдоль и поперекъ.

Гостинница оказалась совершенно европейскою и нисколько не напоминала Америку, да притомъ еще Южную: тутъ была роскошная европейская мебель, паркетные полы, бильярды; стѣны обклеены богатыми обоями, окна украшены гардинами, полы — коврами, словомъ, находясь въ Америкѣ, мы съ перваго раза предположили, что какая нибуудь благопріятная фея перенесла насъ въ Европу. При всемъ этомъ хозяиномъ гостинницы оказался чистокровный, безъ всякой примѣси, французъ, остроумный, живой, веселый, который рассказалъ намъ нѣкоторыя буенось-айресскія сплетни, указалъ мѣста, достойныя посѣщенія, зданія достойныя вниманія, и наконецъ, далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о буенось-айресскихъ красавицахъ; говоря о послѣднихъ, онъ подмигивалъ, щурилъ глаза, таинственно улыбался и его лицо принимало при этомъ умильное выраженіе нѣжащагося на тепломъ солнцѣ кота.

— О, господа, буенось-айресскія дамы, говорилъ онъ, подмигивая нашей молодежи: первые красавицы въ мірѣ, даже такихъ вы не найдете въ нашей любезной Франціи, противъ нихъ не устоитъ ни одинъ иностранецъ, при этомъ онъ таинственно улыбнулся. Но

должень я васъ предупредить, господа, продолжалъ онъ, что хотя онѣ и кокетки, и нахальны, но неприступны... французъ улыбнулся, таинственнѣе прежняго и подмигнулъ даже въ добавокъ глазомъ.

— Что вы станете дѣлать, буенось-айресскія дѣвицы желаютъ имѣть мужа, добавилъ онъ, многозначительно улыбаясь и оглядывая всю нашу компанію, какъ бы думая, что кто нибудь изъ насъ изъяснить желаніе жениться на одной изъ буенось-айресскихъ красавицъ и попросить его быть сватомъ.

Черезъ нѣсколько времени, французъ заговорилъ о матадеросъ и саладеросъ и совѣтывалъ непременно познакомиться съ этими учрежденіями.

— О, восхищался французъ, саладеро и матадеро это лучшее, что вы можете видѣть въ окрестностяхъ Буенось-Айреса (однако мы были потомъ не такого мнѣнія), каждый образованный путешественникъ обязанъ ихъ посѣтить, потому что, не видавъ ихъ, онъ не можетъ сказать, что видѣлъ Буенось-Айресъ.

Долго еще рассказывалъ намъ французъ о своей родинѣ, давалъ полезные совѣты и даже предлагалъ намъ свои услуги быть путеводителемъ по незнакому городу; словомъ, нашъ хозяинъ оказался такимъ предупредительнымъ, любезнымъ, что мы благодарили случай, забросившій насъ именно въ его гостилницу. Отведенная комната была удобна, отлично меблирована, а главное, выйдя на балконъ, мы могли любоваться довольно живописнымъ видомъ. Передъ нами лежала Ріо-де-Ла-Плата, обширная, безконечная, величественная—рѣка настоящее море; ближе къ берегу виднѣлось множество мелкихъ судовъ, разгружающихся и нагружающихся, между тѣмъ какъ вдали, нѣсколько въ правой рукѣ, рисовался на голубомъ небѣ цѣлый лѣсъ мачтъ, стоящихъ тамъ на якорѣ купеческихъ судовъ, которыя, по мелководію рѣки, не могутъ приблизиться къ берегу. Рѣка была очень оживлена: на всѣхъ коммерческихъ судахъ кипѣла дѣятельная работа, товары пе-

регружались въ шаланды или барки, которыя, въ свое время, подходили ближе къ берегу насколько было возможно, и перегружали вторично забранные товары въ повозки на гигантскихъ колесахъ, запряженные громадными, длиннорогими быками. Эти высокія повозки, одна за другою, въѣжали въ рѣку и медленно тянулись къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, за мелководьемъ, остановились нагруженные шаланды, по всѣмъ направленіямъ бороздили онѣ мутныя воды Ла-Платы, тяжело колыхаясь и обдавая другъ друга брызгами и тиною; въ каждой повозкѣ важно возсѣдалъ, такъ называемый, пикадоръ (picador), вооруженный длиннымъ, тонкимъ шестомъ, помощью котораго онъ управлялъ своими быками. Вся эта картина имѣла въ себѣ много деревенской прелести; оригинальныя повозки и длиннорогіе быки напоминали собою Малороссію...

Вдоль рѣки тянулись небольшіе красивенькіе домики, построенные изъ бѣлаго и краснаго кирпича и окруженные благоухающими, роскошными садами; взглядъ терялся въ зеленѣющихъ вдали преріяхъ или лугахъ, прорѣзанныхъ прекрасными ивовыми аллеями; повсюду видна была роскошная зелень, зелень благоухающая, освѣжающая, и немудрено, что Буенось-Айресъ ¹⁾ славится своимъ прекраснымъ воздухомъ, что доказываетъ и самое его названіе. Впрочемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Буенось-Айреса воздухъ не такъ хорошъ, какъ былъ прежде, потому что онъ сильно зараженъ разбросанными повсюду безчисленными саладеро и матодеро...

Буенось-Айресъ считается послѣ Ріо-Жанейро самымъ большимъ, красивымъ и многолюднымъ городомъ Южной Америки; онъ построенъ чрезвычайно правильно и въ этомъ отношеніи превосходитъ лучшіе европейскіе города, хотя основаніе и планировка послѣднихъ относится къ гораздо позднѣйшему періоду. Улицы, идущія параллельно Ріо-де-Ла-Платѣ, пересѣкаются другими,

¹⁾ Буенось-Айресъ въ переводѣ „прекрасный воздухъ“.

совершенно имъ перпендикулярными, одинаковой съ нимъ ширины и лежащими на одинаковыхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Такимъ образомъ, весь городъ раздѣленъ своими улицами на совершенно правильные и притомъ равные четырехугольники, называемые мѣстными жителями „квадрами“ (quadros); сторона любого четырехугольника равняется ровно 370 футамъ, и если у кого изъ путешествующихъ будетъ время, то тотъ можетъ повѣрить это разстояніе, обойдя всѣ квадры съ футомъ въ рукахъ. Эта необыкновенная правильность улицъ города позволяетъ его жителямъ чрезвычайно точно обозначать мѣсто и разстояніе до разыскиваемого дома; такъ напримѣръ, если вы вздумаете спросить: гдѣ живетъ такой-то или далеко ли до извѣстнаго мѣста, то вы получите ясный и короткій отвѣтъ: „въ улицѣ, положимъ, Перу, въ трехъ съ половиной квадрахъ отъ улицы Чили“! По этому адресу вы очень легко разыщите то, что вамъ надо, а главное, будете знать, каково разстояніе до извѣстнаго мѣста.

Правильность домовъ не менѣе удивительна: почти всѣ построены по одному плану; окна задѣланы съ улицы желѣзными рѣшетками, ясно доказывающими, какъ опасаются здѣсь жители за свою жизнь и имущество. И дѣйствительно, Буенось-Айресъ былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ и безпорядковъ, переполненъ такою массою негодяевъ и убійцъ, лакомыхъ до чужаго кармана, что подобная предосторожность очень понятна. Къ внутренней сторонѣ домовъ примыкають, въ аристократической части города, роскошные, чистенькіе дворики, называемые мѣстными жителями „патіо“ (patio), на которые выходятъ остальные окна дома и двери. Патіо одного дома примыкаетъ къ патіо сосѣднихъ домовъ, образуя при этомъ роскошную амфиладу двориковъ, осыненныхъ королинскими биніоніями (деревья) и украшенныхъ прелестными виноградными бесѣдками. Общая картина патіо восхитительна; они придаютъ городу пріятный дачный видъ, распространяють

вокругъ себя нѣжное благоуханіе (какъ видите они не чета нашимъ петербургскимъ, даже аристократическимъ дворамъ, большая часть которыхъ хотя и распространяетъ далеко кругомъ себя благоуханіе, но, къ несчастію, не нѣжное, а пришибательное), освѣжаютъ воздухъ, причемъ невольно сознаешься, что названіе города совершенно ему соотвѣтствуетъ... Сколько прелести представляетъ подобная аристократическая улица вечеромъ! Озаренная прекраснымъ южнымъ небомъ, украшенная гирляндами цвѣтовъ и густою зеленою, она имѣетъ въ себѣ много очаровательнаго и привлекательнаго...

Крыши домовъ плоскія (исключая общественныхъ, казенныхъ и духовныхъ зданій) и образуютъ, такъ называемыя, азотеи, служащія мѣстомъ отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ ихъ обитателей, но въ особенности обитательницъ, которыя почти каждый вечеръ, въ опредѣленный часъ, выходятъ на это мѣсто прогулки, любуются чуднымъ небомъ, восхищаются прекрасными патіо, красиво тянущимися у ихъ ногъ, и лукаво переглядываются съ своими обожателями, гуляющими на сосѣднихъ и противоположныхъ азотеяхъ. Какою страстью сверкаютъ ихъ темные, какъ ночи, но блестящіе, какъ звѣзды глаза, лукаво и смѣло выглядывающіе изъ подъ кружевной мантильи, накинутой на голову и прикрывающіе ихъ черные, роскошные волосы, полныя плечи и колыхающуюся грудь... О, женщины Буенось-Айреса!.. Сколько сердець трепещетъ отъ одного этого слова и замираетъ отъ умиленія и страсти!.. Онѣ служатъ лучшими украшеніями азотей; проходя по улицѣ, невольно любишься этими прекрасными буенось-айресскими свѣтилами, блистающими на азотеяхъ во все своей красотѣ, между тѣмъ, какъ по близости расположились молодые астрономы, наблюдающіе каждый свою яркую, любимую звѣзду...

Снизойдемъ однако съ высоты азотеи во внутренность дома и посмотримъ въ общихъ чертахъ на жилище аргентинскаго семейства.